

Т. В. Анисимова, К. К. Бакулева, С. А. Безгодова, И. А. Самуйлова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Основная задача исследования — изучение политической социализации как единства разноуровневой целостности, анализ которой позволит описать современные стратегии политической социализации студенческой молодежи на основе построения единой внутренне непротиворечивой социально-психологической модели. В основу модели положены теоретические и эмпирические основания. Теоретические основания представлены обзором современных отечественных и зарубежных источников. Выполнено эмпирическое исследование, объектами которого выступили 200 студентов вузов Санкт-Петербурга, предмет исследования — мотивы, установки, политическое поведение, политическое участие. Результатом является построение разноуровневой социально-психологической модели стратегий политической социализации.

Ключевые слова: политическая социализация, политическое поведение, влияние, политическая информация.

T. Anisimova, K. Bakuleva, S. Bezgodova, I. Samuylova

STRATEGIES OF POLITICAL SOCIALISATION: A SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL MODEL

The study explores political socialisation as a unity of multilevel integrity to identify modern strategies of political socialisation of students. The analysis is based on the construction of a single internally consistent social and psychological model. The model embraces both theoretical and empirical foundations. The theoretical foundations include a review of modern Russian and foreign sources. The empirical study included 200 students of Saint Petersburg universities. The study focused on students' motives, attitudes, political behavior, and political participation. The study resulted in the construction of a multilevel social and psychological model of political socialisation strategies.

Keywords: political socialisation, political behavior, influence, political information.

Введение. В современных исследованиях обращение к вопросам социализации чаще характерно для социологических, культурологических и политических наук. Вместе с тем вклад социально-психологического анализа позволяет содержательно дополнить представление об этом процессе и приблизиться к его целостному системному описанию. Такой подход может быть эффективным при рассмотрении ключевых психологических детерминант политической активности личности.

Понятие стратегии не является специфическим для психологии и используется в психологии не часто, поэтому важно определить его понимание и обосновать необходимость использования данного термина.

В соответствии с мнением В. А. Ганзена, подходы к анализу понятий различны. Множество единиц семантического поля возможно классифицировать по различным основаниям: по алфавиту, частоте, в соответствии с пространственно-временной упорядоченностью объекта описания, логическим и семантическим отношениям и т. д. [7].

Мы опирались на возможности рассмотрения пространства понятия как поля ассоциативного типа. Понятие стратегия происходит от греческого *stratos* — «войско», *ogo* — «веду» и обозначает определенную последовательность мыслительных и поведенческих актов, направленных на достижение конкретной цели [9].

В распространенных современных словарях приводятся и другие определения. Например, Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Л. Мостицкого предлагает следующее определение стратегии — это последовательности мышления и поведения для получения результата или опыта; структура субъективности, представленная в линейной модели Т.О.Т.Е., описывающей обратную связь, лежащую в основе поведения [20]. В соответствии со словарем лингвистических терминов Т. В. Жеребило, стратегии — это процесс использования и модификации различных репрезентаций; процесс, порождающий действие [11].

Таким образом, в понимании термина «стратегии» все авторы подчеркивают единство мышления и действия (образа и физического мира).

В настоящее время существует определение политической социализации, которое можно считать общепризнанным в психологии. Политическая социализация происходит через усвоение знаний о политических системах, политических ценностях, возможностях реализации политических прав, а также осуществлении политической активности в электоральном и политическом поведении [21; 31].

Общим знаменателем для объединения понятий стратегии и социализации являются тождество процессов (мыслительные акты и репрезентации в сознании) и свойств личности (активности, интенций, поведения).

Мы считаем, что такое единство по существу выступает достаточным обоснованием использования понятия «стратегия» для

описания процесса социализации современной российской молодежи.

Методы. Основная задача нашего исследования предполагает изучение социализации как единства разноуровневой целостности, анализ которой позволит описать современные стратегии политической социализации молодежи на основе построения единой внутренне непротиворечивой модели политической социализации. В основу модели положены теоретические и эмпирические основания: теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований, эмпирическое исследование с помощью метода анкетирования, в котором разработаны специальные вопросы для сбора информации от респондентов.

Теоретические основания модели. Термин «политическая социализация» в 1959 г. был введен американским психологом Г. Хейманом, но, несмотря на психологичность «по происхождению», наибольшую проработку он получил в социологии и политологии, которые активно занимаются описанием данного феномена со второй половины XX в. Сегодня политическая социализация изучается как процесс становления политической активности личности, имеющий сложную детерминацию, анализ которой, с нашей точки зрения, позволяет выделить макро-, мезо- и микросоциальные факторы.

В обозначенных областях знаний политическая социализация определяется как процесс усвоения индивидом или группой ценностей и норм политической культуры, присущих конкретному обществу и представляющих возможности эффективно выполнять политические роли и функции и тем самым обеспечивать сохранение самого общества и политической системы [15]. На основании такого понимания политической социализации выделяются следующие ее типы: манифестная, латентная, партикуляристская, универсалистская, аффективная, прагматичная, которые, в первую очередь, отражают отношение человека к ценностям существующей политической системы [17; 22].

В этой связи актуальной для зарубежных исследований является проблема политической социализации мигрантов, которые натурализуясь, приобретают политические права и порою не разделяют демократических ценностей политических систем развитых стран, вынуждая эти системы меняться [34; 36].

Усвоение норм и ценностей политической системы описывается в следующих моделях политической социализации: плюралистической, конфликтной, гегемонистской, транзитивной, основанных на выборе личностью ценностей той или иной референтной группы [18; 31]. Таким образом, в социологии и политологии отмечается приоритетное значение ценностей политической системы и институтов социализации, транслирующих эти ценности для политической социализации человека. Подчеркивается, что в современном обществе на фоне глобализации социальных процессов чаще других реализуется транзитивная модель политической социализации, близкая к конфликтной, характеризующаяся отсутствием единой идеологии и трансляцией ценностей различных, часто противоборствующих социальных групп, одновременной включенностью человека в различные социальные группы [18], преобладание трансляции ценностей консьюмеризма, снижением степени влияния ценностей государства в связи с демонстрацией «двойных» стандартов в политике и управлении, приводящая к снижению влияния традиционных институтов первичной и вторичной политической социализации. Исследователями констатируется, что в условиях тотальной цифровизации жизни происходит изменение соотношения влияния институтов политической социализации на формирование политических ценностей молодежи, на первый план выходят СМИ (прежде всего, Интернет), транслирующие ценности различных политических партий, этнических и конфессиональных групп [1; 18]. В отнесенности к агентам социализации были выделены такие модели политической социализации как:

«подчинения», «стихийная», «интереса». Последняя модель соответствует современному социуму с высокоразвитыми информационными каналами, где общество и гражданин напрямую без посредников могут взаимодействовать друг с другом посредством телекоммуникационных систем, что изменяет привычные характеристики процесса социализации [13; 14]. В целом перечисленные исследовательские ракурсы характеризуют макросоциальные влияния на политическую социализацию молодежи в условиях жизни в современном мегаполисе.

Необходимо отметить, что в науке исследования политической социализации ориентированы на изучение электорального и политического поведения, политической грамотности, политической информированности и осведомленности молодежи. Данный подход соответствует принятому в политической психологии и политологии представлению о том, что политическая социализация происходит через усвоение знаний о политических системах, политических ценностях, возможностях реализации политических прав, а также осуществлении политической активности в электоральном и политическом поведении [21; 31]. В соответствии с очерченным кругом исследовательских интересов, на выборах российской молодежи были получены определенные факты об особенностях ее политической социализации, а именно: увеличение сроков первичной и вторичной политической социализации, ненаправленный характер [24], политическая апатия (рассогласование представлений о необходимости участия в выборах и политической жизни общества в целом и реальных мотивов этого участия), недоверие к государственным и общественным структурам, экстремистские ориентации, мозаичность представлений о политической культуре [5]. Кроме того, отмечается, что уровень образования молодежи влияет на ее политическую активность во многих странах, ее интерес к политической жизни государств [24; 25]. Вместе с тем, объяснение психологических

причин полученных фактов не является задачей социологического и политологического знания. Однако анализ психологических публикаций последнего десятилетия говорит о том, что в современной психологической литературе наблюдается возвращение интереса к изучению процесса социализации в целом [2; 3; 4; 19; 30], а не только отдельных ее векторов по видам социальных отношений, к которым относится политическая социализация. Прежде всего, это связано с накапливающимися в социальной практике фактами, которые не могут быть объяснены и описаны существующими теориями и концепциями. Такие новые феномены, как «дети-бумеранги» (юноши и девушки, рано сепарировавшиеся от родительской семьи, по прошествии нескольких лет возвращающиеся к родителям), «твикстеры» (молодые люди, часто меняющие работу и сексуальных партнеров, вместе с тем экономически зависимые от своих родителей), «kid-adult» (взрослые дети, не имеющие работы и семьи, продолжающие жить у родителей и за их счет) [27], свидетельствуют о формировании новых стратегий социализации, которые связаны с усложнением и дифференциацией социальных отношений, многообразием социальных ролей, трансформацией первичных институтов социализации, например, института семьи, который за последние три десятилетия утратил свои традиционные черты [34]. Учитывая постфигуративный характер современной культуры, необходимо отметить также утрату старшими поколениями референтности в передаче социального опыта, которая также усиливается негативными оценками предшествующих социально-политических систем, являвшихся контекстом социализации предыдущих поколений. В итоге эталонные модели социализации становятся размытыми [12; 32; 35]. В совокупности эти факты характеризуют мезосоциальные влияния на политическую социализацию молодежи в целом и на ее динамику.

Несходство траекторий социализации современных юношей и девушек с описанными в классической психологической литературе Л. И. Божович, Л. С. Выготским, Б. Д. Элькониным, Э. Эриксоном, связывается также с условиями взросления молодых поколений, а именно: усиленным родительским контролем и опекой, ограничением непосредственного межличностного общения со сверстниками в подростковом возрасте; усилением взаимодействия в Интернет-среде [28; 37]. Во многом, период окончания школы и одновременно достижение полной правовой и гражданской дееспособности, является пространством и толчком к осуществлению новых самостоятельных стратегий социализации, которые, учитывая предшествующий социальный опыт и условия социализации юношей и девушек, не всегда совпадают с ожиданиями социума [6; 32]. Одним из объяснений несовпадения реализуемых стратегий социализации молодежи и ожиданий социума является приписывание молодым людям и девушкам такой личностной характеристики, как социальный инфантилизм [10; 19; 29], разновидностью которого является политический инфантилизм, широко распространенный среди молодежи [8] и проявляющийся в неспособности субъекта выполнять функции, возложенные на него социумом и политической системой, вследствие деформированной политической социализации [26]. Молодые люди, чья политическая социализация проходит успешно, характеризуются самоопределенностью в системе политических координат, сформированной гражданской идентичностью, они адекватно оценивают свою политическую активность [16]. Можно утверждать, что в перечисленных исследованиях охарактеризованы микросоциальные влияния на политическую социализацию молодежи.

Таким образом, в современных исследованиях политическая социализация изучается в контексте анализа макро-, мезо- и микросоциальных факторов, что приводит

к изолированному изучению частных эффектов политической социализации (политических представлений, политических установок, политической идентичности и т. д.). Целостный анализ политической социализации предполагает их изучение в совокупности и во взаимодействии друг с другом. Такие методологические возможности предоставляет социальная психология, в рамках предметного поля которой заложены основания для упорядочивания сведений об отдельных эффектах социализации, отмечаемых на разных уровнях ее анализа.

Эмпирические основания модели. На основе обзора современной литературы по изучаемой проблеме была выполнена серия эмпирических исследований.

Цели и дизайн. Основная цель исследования — изучить специфику стратегий политической социализации молодых людей и психологические детерминанты их участия в политике. Предмет исследования: мотивы, установки, уровень знаний, политическое поведение, политическое участие. Участники — студенческая молодежь в возрасте от 18 до 30 лет из Санкт-Петербурга (всего 200 респондентов), пол, 35% — мужчины, 65% — женщины.

Основным методом исследования стал метод анкетирования, в котором разработаны специальные вопросы для сбора информации от респондентов. Опрос проводился в письменной форме. Помимо социально-демографических характеристик выборки (пол, возраст, год и направление образования), в анкету входили вопросы для определения уровня знаний молодых людей о форме политической, избирательной систем; вопросы о предпочтительных источниках политической информации (всего 12 источников), масштаб, измерения; анкета для выявления мотивов (8 пунктов) и форм политического участия (7 пунктов, разработанных нами на основе теоретических подходов Д. Ольшанского [21] и Е. Шестопаля [31]); вопросы о наиболее эффективных формах участия граждан в политическом управлении (11 пунктов).

Масштаб всех измерений — пятибалльная шкала, в которой $\min = 1$, $\max = 5$ баллов. Для раскрытия отношения к политическим выборам использовалась модифицированная версия методики «Незаконченные предложения» [23]. Для качественной обработки полученных данных был использован метод контент-анализа. Обработка данных включала методы описательной статистики (средние, стандартное отклонение и др.); корреляционный анализ по Пирсону для обнаружения наличия связи между метрическими переменными; факторный и дисперсионный анализы. Обработка исходных данных, расчет результатов и статистический анализ проводились с использованием методов математической статистики (состав программного обеспечения Microsoft Excel и IBM SPSS Statistics).

Анализ данных показал, что основные источники информации о политике для современной молодежи — это Интернет ($M = 4$, $\sigma = 1,1$), социальные сети ($M = 3,73$, $\sigma = 1,23$), средства массовой информации (телевидение, газеты, радио) ($M = 3,37$, $\sigma = 1,28$) и семья ($M = 3,23$, $\sigma = 1,26$). Наименее значимыми являются политические партии ($M = 2,58$, $\sigma = 1,32$), политические институты ($M = 2,39$, $\sigma = 1,23$), общественные организации ($M = 2,38$, $\sigma = 1,16$), правоохранительные органы ($M = 2,00$, $\sigma = 1,19$), религиозные объединения, церковь ($M = 1,49$, $\sigma = 0,96$).

Таким образом, интернет-общение становится важнейшим игроком на электоральном поле. Уровень знаний молодежи об избирательной системе и политическом устройстве оказался достаточно высоким (более 60% правильных ответов). Студенты корректно указывают возраст, в котором они могут участвовать в голосовании (более 50% правильных ответов). Этот возраст для них уже наступил, и они воспользовались своим правом, то есть личный опыт хорошо сохранился в памяти. При оценке своей способности баллотироваться на политических выборах мнения молодых людей разошлись значительно (менее 30% правильных ответов).

Среди активных форм молодежного политического участия наиболее ярко проявляются электоральное поведение ($M = 3,47$, $\sigma = 1,54$) и простейшие реакции на сигналы, исходящие от политической системы (поведение наблюдателя, зрителя) ($M = 3,07$, $\sigma = 1,39$). Среди пассивных форм политического участия респонденты особо отметили отчуждение от политики из-за чрезмерной бюрократизации и нарушения эффективной обратной связи между политической системой и гражданами ($M = 2,67$, $\sigma = 1,37$). Молодые люди считают наиболее эффективными и наиболее вероятными формами участия в политическом управлении мероприятия по оздоровлению окружающей среды (11,9%), личные обращения в органы местного самоуправления (11,5%), сбор подписей, петиций (10,3%), работа в общественных объединениях (9,4%). Описанный конкретный практический опыт участия молодежи в политической и общественной жизни страны может являться одной из продуктивных стратегий гражданской и политической социализации молодежи.

Важным, по нашему мнению, было описание студентами своего понимания выборов, прежде всего, как демократической процедуры, включающей в себя возможность свободного определения гражданами страны своего будущего и того кандидата, который наилучшим образом отвечает интересам той или иной социальной группы. В процедуре выборов студенты видят большой консолидирующий потенциал для общественного развития. Мотивами к участию в выборах студенческой молодежи служат исполнение гражданского долга, активная жизненная (общественная) позиция, самостоятельное определение будущего страны, противостояние фальсификации результатов выборов за счет включения голосов «не проголосовавших» граждан и т. д. От процедуры выборов студенты ждут открытости, честности, правовой легитимности и отсутствия проявлений коррупции.

На эмоциональном уровне участие в политике должно быть значимым и влиятельным.

Восприятие выборов как предсказуемых, бессмысленных, без учета своих интересов и желаний, отталкивает молодых людей от участия в политике. Результаты контент-анализа метода незаконченных предложений (отношение к выборам) были подтверждены количественными данными измерения мотивов политического участия. Основными мотивами политического участия были названы: мотив интереса ($M = 3,04$, $\sigma = 1,64$), познания ($M = 2,79$, $\sigma = 1,41$) и трансформации мира ($M = 2,69$, $\sigma = 1,47$). Низкие оценки получены по мотивам власти (участие в политике для получения власти) ($M = 1,95$, $\sigma = 1,22$) и меркантильный мотив (участие за денежное вознаграждение) ($M = 1,64$, $\sigma = 1,14$). Низкие оценки получены по показателям традиционного мотива политического участия («это принято в их среде, культуре») ($M = 1,85$, $\sigma = 1,21$) и идеологического мотива (участие в соответствии с политической идеологией) ($M = 2,26$, $\sigma = 1,32$). У молодежи достаточно знаний и интереса к общественно-политической ситуации в стране. Осознание несоответствия реальности жизненным принципам, провозглашенным родителями и социальной средой, проявляется в их отчуждении, пересмотре и идеализации ценностей своего поколения. Несмотря на высокую выраженность мотива трансформации мира, при ответе на вопрос о возможности влиять на решение проблем города или района, наиболее распространенным ответом был «Не знаю, еще не пробовал» (32,4%). На втором месте был ответ «Могу, только по некоторым проблемам» (29,1%). На третьем месте оказался ответ «не могу» (20,3%). Проведение корреляционного анализа (коэффициент Пирсона) позволило установить наличие корреляции между электоральной активностью, использованием источников для получения информации о политике, мотивах и формах политического участия.

Итак, электоральная активность студенческой молодежи на высоком уровне значимости ($p < 0,001$) коррелирует со следующими

показателями: получение информации из СМИ ($r = 0,219$), Интернета (блоги, форумы, сайты) ($r = 0,142$), семьи ($r = 0,180$), политических институтов ($r = 0,161$) и политических партий ($r = 0,171$); формы политического участия: поведение наблюдателя, зрителя ($r = 0,336$), участие в политике в качестве рядового функционера ($r = 0,161$), отчуждение от политики из-за потери доверия к политическим институтам ($r = 0,230$), неприятие политической системы ($r = 0,219$) и враждебность к ней ($r = 0,231$); мотивы политического участия: мотив интереса ($r = 0,249$).

Выводы. На основе полученных нами теоретико-эмпирических данных можно сделать выводы.

Возможности социально-психологического анализа феномена политической социализации и вариативности ее стратегий реализованы в современных исследованиях не в полной мере, при том, что социально-психологический подход к изучению политической социализации имеет большие перспективы для понимания политического и электорального поведения современной молодежи.

Представляется продуктивным изучение вариативности стратегий политической социализации студенческой молодежи посредством исследования механизмов ассимиляции макро-, мезо- и микросоциальных влияний на содержание политической социализации в условиях жизни в современном мегаполисе.

Заключение. Предложенный подход предполагает изучение репрезентаций различных сторон политической жизни в социальных представлениях (макроуровень анализа процессов социализации в контексте социальных отношений), аттитюдах и системе ценностей (мезоуровень анализа процессов социализации в контексте межличностных отношений),

идентичности (микроуровень анализа процессов социализации в контексте самоотношения) современной студенческой молодежи, на основе которого станет возможным описать вариативность стратегий политической социализации молодежи в рамках единой внутренне непротиворечивой модели политической социализации.

Макроуровень анализа процессов социализации в контексте социальных отношений рассматривает репрезентации различных сторон политической жизни в социальных представлениях молодежи.

Мезоуровень анализа процессов социализации в контексте межличностных отношений констатирует установки и систему ценностей молодежи.

Микроуровень анализа процессов социализации в контексте внутриличностных отношений описывает самоотношения современной молодежи.

Необходимым условием, требующим обязательного учета в рамках анализа молодежной аудитории, выступает проведение оценки референтности различных институтов политической социализации. Цифровое пространство и политическая интернет-активность — мощные факторы формирования различных стратегий политической социализации. Действительно, развитие технологий привело к медиатизации молодежной среды. Они все больше погружаются в среду символов, которые начинают играть большую роль, чем реальность и факты в формировании когнитивных структур и поведения.

Таким образом, выполненный теоретический обзор литературы и серия отдельных эмпирических исследований, касающихся взаимодействия студенческой молодежи и социума, позволяет построить социально-психологическую модель стратегий политической социализации, представленную на рисунке 1.

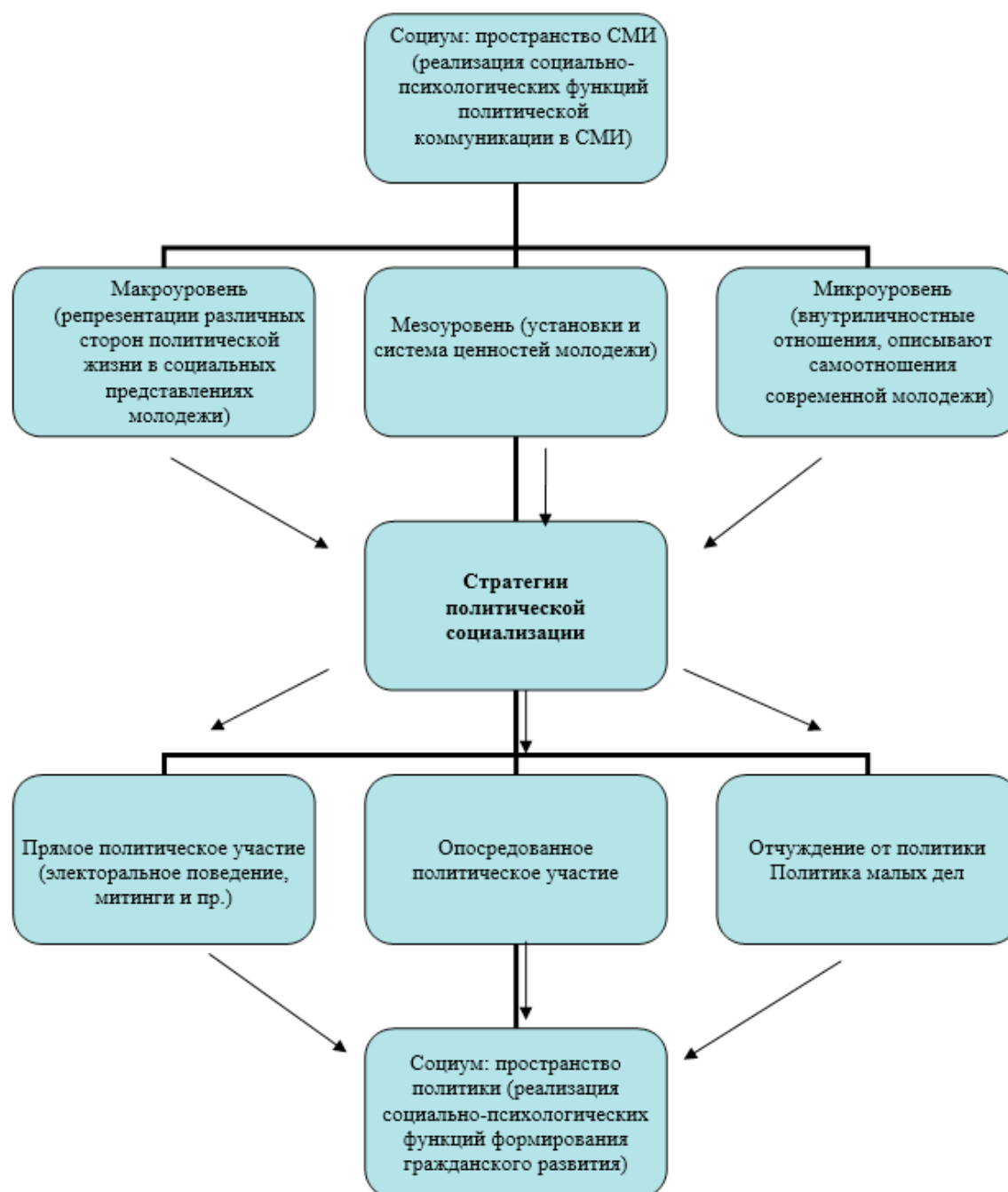

Рис.1. Социально-психологическая модель стратегий политической социализации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Т. В., Самуйлова И. А. Моделирование политической коммуникация студенческой среды // Новые модели коммуникации в образовательной среде. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 84–96.

2. Бакулева К. К., Анисимова Т. В. Убеждения избирателей о природе политики как сферы деятельности // В мире научных открытий. 2015. № 3–8 (63). С. 3750–3765. <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-3.8-16>
3. Бакулева К. К., Самуйлова И. А. Диагностика параметров психолого-политической стабильности в контексте взаимодействия с источниками получения информации // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3 (105). Ч. 2. С. 98–103. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.105.3.041>
4. Безгодова С. А. Социальная психология взросления: к постановке проблемы исследования в рамках интегративного подхода // Интегративный подход к познанию психологии человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 223–233.
5. Белогорская Л. В. Особенности развития политического сознания студенческой молодежи в образовательном процессе // Азимут научных исследований: Экономика и управление. 2015. № 3 (12) С. 101–104.
6. Буреломова А. С. Социально-психологические особенности ценностей современных подростков: дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 195 с.
7. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 176 с.
8. Гарькуша О. Г. Политический инфантилизм современной молодежи // Альманах мировой науки. 2016. № 3–3 (6). С. 6–7.
9. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 633 с.
10. Ефимова Г. З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества // Науковедение. 2014. № 6 (25), статья 09PVN614. <http://dx.doi.org/10.15862/09PVN614>
11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010. 208 с.
12. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. 335 с.
13. Камнев Д. Г. Поиск эффективной модели политической социализации молодежи с учетом влияния информационных технологий // PolitBook. 2014. № 2. С. 54–67.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 607 с
15. Клементьев Д. С, Маслова А. Г. Социология личности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 103 с.
16. Малов К. В. Политическая идентичность как основание социально-политического структурирования общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.
17. Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // Управленческое консультирование. 2020. № 1 (133). С. 35–42. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-1-35-42>
18. Малькевич А. А. Зарубежные концепции политической социализации // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2 (19). С. 94–97.
19. Микляева А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности. Дюссельдорф: LAP LAMBERT, 2018. 224 с.
20. Мостицкий И. Л. Универсальный дополнительный практический толковый словарь // Academic.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://mostitsky_universal.academic.ru/5288 (дата обращения: 25.05.2021).
21. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. М.: Академический проект, 2001. 481 с.
22. Преснякова Л. А. Теория политической социализации // Политическая наука. 2002. № 2. С. 25–34.
23. Самуйлова И. А. Установки студенческой молодежи Санкт-Петербурга по отношению к выборам в России как фактор их политического участия // Петербургский психологический журнал. 2013. № 3. С. 46–59.
24. Силантьева В. А., Гамидова Н. В. Вузовское образование в системе политической социализации // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 1. С. 99–101.
25. Стегний В. Н. Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 2 С. 8–17.
26. Степанищенко О. В. Политический инфантилизм современной молодежи как фактор искажения системы ценностных ориентаций // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 168–176.
27. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>

28. Толстых Н. Н. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 406 с.
29. Утенков А. В. Психологические детерминанты инфантилизма (на материале студентов педвузов): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 23 с.
30. Шамяионов Р. М. Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1. № 4. С. 3–8.
31. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М: ИНФРА, 2002. 448 с.
32. Arnett J. J. Emerging adulthood(s): The cultural psychology of a new life stage // Bridging cultural and developmental approaches to psychology: New synthesis in theory, research, and policy / ed. by J. J. Arnett. Oxford: University Press, 2011. P. 255–275.
33. Dahlggaard J. O. Trickle-up political socialization: The causal effect on turnout of parenting a newly enfranchised voter // American Political Science Review. 2018. Vol. 112. No. 3. P. 698–705.
34. Dush C. M. K., Cohan C. L., Amato P. R. The relationship between cohabitation and marital quality and stability: Change across cohorts? // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65. No. 3. P. 539–549. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00539.x>
35. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
36. Gurieva S. D., Kostromina S. N., Tsvetkova L. A., Samuylova I. A., Konfisakhov A. G. et al. Migration as an indicator of people's social and psychological stability (as exemplified in the Pskov Region) // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 1. P. 61–73.
37. Tillery R., Cohen R., Parra G. R., Kitzmann K. M., Howard Sharp K. M. Friendship and the Socialization of Sadness // Merrill-Palmer Quarterly. 2015. Vol. 61. № 4. P. 486–508. <https://doi.org/10.13110/merrpalmquar1982.61.4.0486>

REFERENCES

1. Anisimova T. V., Samujlova I. A. Modelirovanie politicheskoy kommunikatsiya studencheskoj sredy // Novye modeli kommunikatsii v obrazovatel'noj srede. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2019. S. 84–96.
2. Bakuleva K. K., Anisimova T. V. Ubezhdeniya izbiratelej o prirode politiki kak sfery deyatel'nosti // V mire nauchnykh otkrytij. 2015. № 3–8 (63). S. 3750–3765. <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-3.8-16>
3. Bakuleva K. K., Samujlova I. A. Diagnostika parametrov psikhologo-politicheskoy stabil'nosti v kontekste vzaimodejstviya s istochnikami polucheniya informatsii // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 3 (105). Ch. 2. S. 98–103. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.105.3.041>
4. Bezgodova S. A. Sotsial'naya psikhologiya vzrosleniya: k postanovke problemy issledovaniya v ramkakh integrativnogo podkhoda // Integrativnyj podkhod k poznaniyu psikhologii cheloveka. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. S. 223–233.
5. Belogorskaya L. V. Osobennosti razvitiya politicheskogo soznaniya studencheskoj molodezhi v obrazovatel'nom protsesse // Azimut nauchnykh issledovanij: Ekonomika i upravlenie. 2015. № 3 (12) S. 101–104.
6. Burelomova A. S. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti tsennostej sovremennykh podrostkov: dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 2013. 195 с.
7. Ganzen V. A. Sistemnye opisaniya v psikhologii. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1984. 176 s.
8. Gar'kusha O. G. Politicheskij infantilizm sovremennoj molodezhi // Al'manakh mirovoj nauki. 2016. № 3–3 (6). S. 6–7.
9. Egorova T. V. Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka. M.: Adelant, 2014. 633 s.
10. Efimova G. Z. Sotsial'nyj infantilizm studencheskoj molodezhi kak faktor protivodejstviya modernizatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva // Naukovedenie. 2014. № 6 (25), stat'ya 09PVN614. <http://dx.doi.org/10.15862/09PVN614>
11. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izd. Nazran': Piligrim, 2010. 208 s.
12. Zhuravleva N. A. Dinamika tsennostnykh orientatsij lichnosti v rossijskom obshchestve. M.: Institut psikhologii RAN, 2006. 335 s.
13. Kamnev D. G. Poisk effektivnoj modeli politicheskoy sotsializatsii molodezhi s uchetom vliyaniya informatsionnykh tekhnologij // PolitBook. 2014. № 2. S. 54–67.
14. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2000. 607 s.

15. *Klement'ev D. S., Maslova A. G.* Sotsiologiya lichnosti. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yurajt, 2020. 103 s.
16. *Malov K. V.* Politicheskaya identichnost' kak osnovanie sotsial'no-politicheskogo strukturirovaniya obshchestva: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Novosibirsk, 2012. 24 s.
17. *Mal'kevich A. A.* Rol' sotsial'nykh setej v protestnom politicheskom uchastii grazhdan // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2020. № 1 (133). S. 35–42. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-1-35-42>
18. *Mal'kevich A. A.* Zarubezhnye kontseptsii politicheskoy sotsializatsii // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2011. № 2 (19). S. 94–97.
19. *Miklyaeva A. V.* Lichnostnyj infantilizm v postindustrial'nom obshchestve. Sotsial'no-psikhologicheskij podkhod k probleme infantilizatsii lichnosti v usloviyakh sovremennoj sotsial'noj dejstvitel'nosti. Dyussel'dorf: LAP LAMBERT, 2018. 224 s.
20. *Mostitskij I. L.* Universal'nyj dopolnitel'nyj prakticheskij tolkovyj slovar' // Academic.ru. [Elektronnyj resurs]. URL: http://mostitsky_universal.academic.ru/5288 (data obrashcheniya: 25.05.2021).
21. *Ol'shanskij D. V.* Osnovy politicheskoy psikhologii. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 481 s.
22. *Presnyakova L. A.* Teoriya politicheskoy sotsializatsii // Politicheskaya nauka. 2002. № 2. S. 25–34.
23. *Samujlova I. A.* Ustanovki studencheskoj molodezhi Sankt-Peterburga po otnosheniyu k vyboram v Rossii kak faktor ikh politicheskogo uchastiya // Peterburgskij psikhologicheskij zhurnal. 2013. № 3. S. 46–59.
24. *Silant'eva V. A., Gamidova N. V.* Vuzovskoe obrazovanie v sisteme politicheskoy sotsializatsii // Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. 2015. № 1. S. 99–101.
25. *Stegnij V. N.* Politicheskie orientatsii studencheskoj molodezhi: tipy, faktory, osobennosti // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2016. № 2 S. 8–17.
26. *Stepanishchenko O. V.* Politicheskij infantilizm sovremennoj molodezhi kak faktor iskazheniya sistemy tsennostnykh orientatsij // Nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 110. S. 168–176.
27. *Tolstykh N. N.* Sovremennoe vzroslenie // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2015. T. 23. № 4. S. 7–24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>
28. *Tolstykh N. N.* Psikhologiya podrostkovogo vozrasta: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Yurajt, 2019. 406 s.
29. *Utenkov A. V.* Psikhologicheskie determinanty infantilizma (na materiale studentov pedvuzov): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 2012. 23 s.
30. *Shamionov R. M.* Sotsializatsiya i resotsializatsiya lichnosti: normativnost' i protsessual'nost' // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2012. T. 1. № 4. S. 3–8.
31. *Shestopal E. B.* Politicheskaya psikhologiya. M: INFRA, 2002. 448 s.
32. *Arnett J. J.* Emerging adulthood(s): The cultural psychology of a new life stage // Bridging cultural and developmental approaches to psychology: New synthesis in theory, research, and policy / ed. by J. J. Arnett. Oxford: University Press, 2011. P. 255–275.
33. *Dahlgaard J. O.* Trickle-up political socialization: The causal effect on turnout of parenting a newly enfranchised voter // American Political Science Review. 2018. Vol. 112. No. 3. P. 698–705.
34. *Dush C. M. K., Cohan C. L., Amato P. R.* The relationship between cohabitation and marital quality and stability: Change across cohorts? // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65. No. 3. P. 539–549. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00539.x>
35. *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
36. *Gurieva S. D., Kostromina S. N., Tsvetkova L. A., Samuylova I. A., Konfisakhor A. G.* et al. Migration as an indicator of people's social and psychological stability (as exemplified in the Pskov Region) // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 1. P. 61–73.
37. *Tillery R., Cohen R., Parra G. R., Kitzmann K. M., Howard Sharp K. M.* Friendship and the Socialization of Sadness // Merrill-Palmer Quarterly. 2015. Vol. 61. № 4. P. 486–508. <https://doi.org/10.13110/merrpalm-quar1982.61.4.0486>